

24 338 иностранных обучающихся при общем количестве студентов 242 969 человек. Соответственно 10 % обучающихся среди студентов в Республике Беларусь составляют иностранные граждане, что свидетельствует о качестве образования и привлекательности учреждений образования Республики Беларусь среди иностранных граждан. Активная работа по созданию совместных образовательных структур и программ с иностранными партнерами также ведется. Например, в 2019 г. созданы два совместных факультета в Республике Узбекистан и один в Республике Таджикистан.

Таким образом, в Содружестве сформирована система актов международного характера, которая обеспечивает реализацию права на образование на принципах независимости, равенства, обоюдной выгоды, взаимного уважения в соответствии с законодательством, ненападения ущерба суверенитету государств, их национальной безопасности и интересам личности, общества и государства. Однако необходима дальнейшая работа по гармонизации и унификации законодательства государств – участников СНГ в сфере образования и подготовки кадров.

УДК 342.4

В.И. Павлов

ДВА РАЗЛИЧНЫХ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ЯЗЫКА СОВРЕМЕННОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА: КОНСТИТУЦИОННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ВЕРХОВЕНСТВО ПРАВА

Конституционное право в либерально ориентированных правовых системах представляет собой предельное основание правопорядка, формой объективации которого выступает национальная Конституция, конституционные законы, а также акты толкования Конституции. По сравнению с любыми другими отраслями права эта отрасль в минимальной степени содержит в себе инструментально-догматический аспект правового регулирования, сосредотачиваясь на концептуальных основаниях правопорядка. Г. Кельзен, формулируя идею «Основной нормы» («Grundnorm») как логического основания правопорядка, неявно отождествлял ее с Конституцией как актом, содержащим в себе исчерпывающие аксиоматические положения конкретного национального права, которые в юридической практике могут быть всегда выведены и применены к определенному жизненному случаю. Основная проблема, однако, заключается в том, что способ действия Конституции, равно как

и работа по истолкованию ее правовых норм непосредственно связаны с языком, т. е. с понятиями, категориями, конструкциями, концепциями, теориями, лежащими в конституционном тексте. Именно поэтому важнейшее значение как для понимания Конституции, так и для применения ее положений имеет уяснение отраженных в ней культурно-исторических, юридико-доктринальных, политико-правовых и иных содержаний.

В строгом смысле конституционно-правовая доктрина представляет собой достаточно молодую отрасль научного знания эпохи Модерна, т. е. эпохи Нового времени, времени буржуазных революций в Западной Европе. С этой точки зрения, используя марксистский методологический язык (который во многих аспектах сохраняет свою адекватность), не будет ошибкой именовать новоевропейские конституционно-правовые концепции буржуазными и одновременно отождествлять их с либеральными, с позиции экономического анализа права – капиталистическими, с позиции культурно-исторических типов – концепциями модернистскими как принадлежащими эпохе Модерна.

Следует отметить, что на момент начала формирования конституционализма мировая юридическая традиция уже имела богатейший каталог концептуальных и инструментальных средств правового регулирования, прежде всего сформированный в рамках континентальной юридической догматики и школы «*Usus modernus Pandectarum*» на основе процесса рецепции римского права на Западе. Новые же конституционные политико-правовые идеи принадлежали совершенно другой – просветительской естественно-правовой идеологии с предложенными ею политическими, экономическими, антропологическими и иными принципами. В связи с этим является неточностью встречающееся в литературе отождествление этих нововременных политико-правовых концепций с античными, греко-римскими правовыми идеями: последние, несмотря на поверхностное сходство с буржуазными теориями, разрабатывались на совершенно иных методологических основаниях.

К новоевропейским политико-правовым концепциям, ставшим основой европейского конституционализма, относятся: учение о правах человека, общественном договоре, правовом государстве, разделении властей, верховенстве права, гражданском обществе и др. Разработка этих концепций была тесно связана с конкретными культурно-историческими условиями, в которых находилось западное общество в тот период времени и теми политико-правовыми и социокультурными задачами, которые решались путем формирования конституционализма.

Исследователь-конституционалист, законодатель, а также правовед-практик, связанный в своей профессиональной деятельности с вопросами применения и толкования конституционно-правовых положений, как правило, исходят из универсальности и аксиоматичности политико-правового содержания концептуальных конституционно-правовых положений и языка, на котором они сформулированы. Эти положения и язык действительно всегда отсылают к новоевропейским смысловым содержаниям исходя из своей изначальной правовой природы и концептуальной структуры даже несмотря на то, что могут быть встроены в совершенно иной политико-правовой контекст. Такому положению дел способствует господство европейской конституционно-правовой доктрины в науке и образовательной среде. Вместе с тем в практике правовых порядков, особенно незападного типа, определенное конституционно-правовое положение, концепция в тексте Конституции может наделяться другим правовым смыслом, нежели классический конституционный смысл, что связано со спецификой его представления в национальном правовом порядке. В таком случае первоочередное значение приобретают модифицирующая роль национального конституционного толкования, особое проявление в национальном праве наднациональной юрисдикции, программный характер концептуальных нормативных правовых актов в правовом порядке, детализирующих ценностно-правовые содержания, своего рода дополняющих и развивающих смысл национальных конституционно-правовых положений (Концепции правовой политики и т. д.). Вместе с тем стандарты современного конституционализма, безусловно, формируются западными правовыми порядками, что связано как с наличием у них развитых форм наднациональной юрисдикции (Европейский Суд Справедливости – далее Суд ЕС, Европейский Суд по правам человека (ЕСПЧ)), так и с логическим развитием изначальных новоевропейских политико-правовых идей уже в европейских доктринах XXI столетия. Такие вопросы, как формирование четвертого и пятого поколения прав человека, интерпретация принципов разумности и соразмерности, балансировки ценностей, разработка новых интерпретаций принципов государственного суверенитета и др. разрабатываются в основном на Западе. Следует понимать, что в основе этих принципов лежит политика права, связанная с цивилизационно-культурной спецификой развития западного общества, его представлением о праве и нравственности, культуре, человеке, социуме и государстве. Конституционно-правовые смыслы извлекаются не из чистой правовой формы, а именно из цивилизационно-культурного содержания.

В этой связи в последние десятилетия политика права стала все больше проявляться в контексте расхождений между цивилизационно-культурными содержаниями западных и незападных правовых порядков. Если государства мусульманского права (Иран, Египет, Пакистан, Сирия, Саудовская Аравия и др.) строят свои конституционно-правовые модели с учетом религиозного фактора (при вынужденном и подразумеваемом согласии западных стран), то постсоветские республики, полностью сориентировавшиеся на новоевропейский конституционализм в 1991 г., находятся в более уязвимом положении. Доктринальным ответом на эти тенденции стала разработка начал альтернативной в методологическом плане модели конституционализма, которая была представлена теорией конституционной идентичности и близкой ей концепцией конституционного суверенитета. Сам этап, связанный с началом формирования этой модели на постсоветском пространстве, В.Д. Зорькин назвал «эпохой Метамодерна». Следует, однако, отметить, что в методологии правовой науки, разрабатываемой в общей теории и философии права, о кризисе классической правовой рациональности и выделении классического и постклассического этапов правоведения речь шла еще в первой половине 2000-х гг., но науки конституционного права в тот период это практически не коснулось.

В чем смысл концепции конституционной идентичности? По сути, это альтернатива концепции верховенства права как единому, универсальному, а значит, наднациональному способу правового регулирования, понимания базовых, фундаментальных для правового порядка правовых норм, а значит и ценностей этого общества. Разумеется, в логике конституционализма Европейского союза и наднационального регулирования Совета Европы универсальность рассматривается исключительно в западнцентристском значении. Идея конституционной идентичности, напротив, состоит в блокировке размывания национально-государственного понимания фундаментальных конституционно-правовых ценностей со стороны наднациональных судов, использующих эволютивное и динамическое толкования права, а также применяющих унифицированный западноевропейский, т. е. региональный подход к пониманию фундаментальных правовых ценностей, лежащих в основе национальных конституций. В последние годы конфликт между верховенством права и конституционной идентичностью в рамках европейских наднациональных юрисдикций особенно проявился в связи с принципиальными позициями России, Венгрии, Польши.

Очевидно, что проблематика конституционной идентичности связана не с юрисдикционными и процедурными моментами, а с аксиологией права, опирающейся на цивилизационно-культурные основания конкретных обществ. В этой связи идея ценностных оснований национального права перекликается со ст. 4 (п. 2) Договора о Европейском союзе, предусматривающей «уважение национальной идентичности государств-членов», что однозначно указывает на идею признания цивилизационно-культурной идентичности правопорядков. Вместе с тем модель новоевропейского конституционализма, в чем и состоит ее особенность, исключает возможное присутствие внеправовых ценностей в их влиянии на правопорядок и жизнь общества в целом. Кантовская идея о том, что именно право, а не нравственность, религия, обычай, традиция, корпоративные нормы и т. д. выступают в качестве главной социальной ценности, лежит в основе европейской модели конституционализма.

Следует отметить, что конфликт Суда ЕС, ЕСПЧ с западноевропейскими национальными конституционными судами отличается от аналогичного конфликта с национальными судами незападных государств. В последнем случае речь, как правило, всегда идет о фундаментальных цивилизационно-культурных разногласиях и различиях, лежащих в основе разрешения тех или иных правовых вопросов, – это понимание добра и зла, приемлемого и неприемлемого с исключительно ценностных позиций, по своей природе не поддающихся правовому анализу. К ним относятся вопросы понимания человека и его природы, сущности и назначения семьи, материнства, отцовства, воспитания детей, образования, места религии как антропологической практики в структуре общества, соотношение частных и публичных интересов в обществе и многие другие. Поэтому позиции сторонников или противников идеи конституционной идентичности применительно к русскоязычному правовому дискурсу с определенными оговорками можно отнести к славянофилам и западникам, проводя прямые параллели с формированием правовой доктрины XIX в. Это два разных методологических языка и, по сути, две разные модели конституционализма и правовой аксиологии.

Концепция конституционной, а шире – правовой идентичности выражает принцип диалогичности и взаимного признания, консенсуса правопорядков, названных К.Н. Леонтьевым «принципом цветущей сложности». Неявно она содержит в себе идею отказа от новоевропейской идеи рассмотрения права в качестве самодостаточного высшего метафизического начала в жизни социума, замещающего нравственность

(верховенство права). Вместо этого она предлагает не только запрет на наднациональное изменение конституционного ядра, но и корреспондирование этого ядра цивилизационно-культурным основаниям и социокультурным ценностям конкретного общества, народа. В этой связи наличие в Конституции «оговорки вечности» («eternity clause») как невозможности национальному правопорядку изменить «абсолютные конституционные нормы и принципы» в их новоевропейском варианте – есть элемент новоевропейской доктрины, противоречащий идее конституционной идентичности. И напротив, как считает С.П. Чигринов, рассматривая конституционную идентичность в контексте Евразийского экономического союза, «оговоркой вечности» является «незыблемость наиболее важных национальных конституционных ценностей».

Рассмотрение конституционной идентичности только в рамках «политико-правовых и мировоззренческих ценностей, зафиксированных в конституционных текстах... в пределах права и правовой культуры» при запрете на апелляцию к традиции «доконституционных эпох» (Е.А. Лукьянова) противоречит самой идее идентичности, как и преамбулам многих национальных конституций, отсылающих к правовому наследию. Ведь весь вопрос как раз и состоит в том, откуда будут извлекаться правовые смыслы при толковании фундаментальных положений Конституции: либо из каталога унифицированных западноевропейских правовых принципов и стандартов, либо из конституционной идентичности, трактуемой в качестве координированности норм Конституции социокультурным ценностям? То, что иногда с либерально ориентированных позиций именуют «оборонительным конституционализмом» (Т.А. Васильева), «агрессивными проявлениями конституционной идентичности», «манипуляцией конституционной идентичностью» (Е.А. Лукьянова) и т. д. – на самом деле может являться как раз настоящей конституционно-правовой защитой социальной ценностной среды от экспансии новоевропейского конституционализма, проявляющегося, например, в признании дискриминирующей конституционной нормы о традиционном понимании семьи как союзе мужчины и женщины. Проблематичным является только определение ценностного конституционного ядра, ведь не все наднациональные решения в рамках юрисдикции ЕСПЧ либо юрисдикционных органов Европейского союза касаются этого ядра. Многие наднациональные правовые решения могут содержать и содержат вполне разумные и эффективные юридические решения, которые следует включать в национальную юрисдикционную практику.

Таким образом, задача заключается в том, чтобы сформулировать каталог конституционно-правовых ценностей ядра правопорядка в его координированности с актуальными социокультурными ценностями, при этом обеспечивая обновление правовой системы за счет включения наднационального опыта при сохранении этого ядра. Такой подход, конечно, не будет соответствовать принципу верховенства права в его классической новоевропейской версии «rule of law», однако он не означает юридического изоляционизма и предлагает разумный баланс между конституционной идентичностью и верховенством права.

УДК 342

А.А. Подупейко

КОНСТИТУЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ БЕЛАРУСИ – В ИНТЕРЕСАХ ВСЕГО ОБЩЕСТВА

История конституционного законодательства Беларуси во многом неразрывно связана с историей советского общества и государства, прошедших в своем развитии ряд ярко выраженных этапов. Каждый из этапов характеризовался новыми явлениями в отношениях между классами и социальными группами, уровнем экономики, распределении компетенции между Союзом и республиками, полномочиях и направлениях работы государственных органов и т. д. Эти важнейшие изменения, происходившие в общественной жизни, требовали конституционного закрепления.

Все предыдущие Конституции Беларуси, безусловно, сыграли свою роль в развитии конституционного законодательства в целом и оказали значительное влияние на современную Конституцию Республики Беларусь. Преемственность выразилась в формулировании принципов конституционного строя, регулировании политических, экономических и социальных отношений, определении правового статуса человека и гражданина, а также установлении системы органов государственной власти.

Конституция Республики Беларусь принята белорусским Парламентом 15 марта 1994 г. В последующем в нее вносились изменения и дополнения решениями республиканских референдумов от 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г. и 27 февраля 2022 г., а также в соответствии с Законом Республики Беларусь от 12 октября 2021 г. № 124-3 «Об изменении Конституции Республики Беларусь».

Принятие и внесение изменений и дополнений в Конституцию Республики Беларусь обусловлено выходом белорусского общества на новый этап своего исторического развития. Модернизация белорусского общества и национальных интересов, закрепление суверенитета и независимости, новые потребности людей, необходимость обновления функционирования политической системы и государственного аппарата и т. д. – это объективные предпосылки необходимости совершенствования Конституции Республики Беларусь.

Конституция как продукт государства отражает уровень развития всего общества, характер сложившихся на момент ее принятия и действия общественных отношений. Основной Закон ориентирован на государственную и общественную действительность, он формирует государство, но в свою очередь государство создает Конституцию. Государство определяет содержание и границы действия Конституции.

Последние изменения и дополнения Конституции Республики Беларусь коснулись практически всех разделов. Основой этих изменений и дополнений явилось укрепление белорусской государственности. Например, Преамбула дополнена положениями о сохранении национальной самобытности и суверенитета, культурных и духовных традиций, обеспечении социальной справедливости, независимости и процветания Республики Беларусь. Важно сохранить способность государства самостоятельно и независимо от других государств осуществлять свои функции на своей территории и за ее пределами.

Согласно ст. 18 Конституции Республика Беларусь в своей внешней политике исходит из принципов равенства государств, неприменения силы или угрозы силой, нерушимости границ, мирного урегулирования споров, невмешательства во внутренние дела и других общепризнанных принципов и норм международного права. Более того, Беларусь сегодня как суверенное европейское государство, осуществляющее самостоятельную, миролюбивую внешнюю политику, закрепила в Основном Законе дополнительную гарантию, которая исключает военную агрессию со своей территории в отношении других государств. Включение таких положений обусловлено необходимостью противостоять отдельным деструктивным силам, которые вынашивают идеи разрушения белорусского государства. Подтверждением важности для белорусского народа сохранения Республики Беларусь как самостоятельного, независимого государства является то большинство граждан, которые приняли участие в республиканском референдуме по внесению изменений и дополнений в Конституцию.